

ЛЮБОВЬ
БАНДИТА
ИЛИ
роман

с

Цыганом

ВАЛЕНТИНА
БАСАН

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Валентина Басан

**Любовь бандита, или
Роман с цыганом**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Басан В.

Любовь бандита, или Роман с цыганом / В. Басан — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»)

ISBN 978-5-532-07988-5

Это книга о любви, о деньгах, о жестокости, о зависти, об интеллекте, о человечности, о семье и о счастье. Молодая девушка, мечтающая об отношениях и принце на белом коне, находит неприятности в лице подруги и ее сёстры, но это и становится первым шагом на пути к встрече мужчины ее мечты. Это не просто роман, это детектив, основанный на реальных событиях. Сопереживайте героям. В каком-то из них вы найдёте себя. Обязательно. Ведь этот роман - отрезок жизни реального человека. И здесь, как и в жизни, добро и любовь побеждают зло и зависть. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07988-5

© Басан В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	9
Глава 5	11
Глава 6	13
Глава 7	17
Глава 8	19
Глава 9	22
Глава 10	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валентина Басан

Любовь бандита, или Роман с цыганом

Глава 1

О том, что сейчас май, усиленно напоминали 2 вещи: приближающийся и долгожданный отпуск на календаре и летние коллекции в магазинах.

Валя шла к метро голодная, холодная и злая. Черт дёрнул сесть на эту белковую диету. Результата – ноль, по крайней мере на весах, зато раздражения и негатива в избытке. Ну нельзя, нельзя в этом климатическом поясе голодать, организм должен «отапливать» себя девять из двенадцати месяцев в году. По Вайберу позвонила мама: «У нас очень холодно, ты шапку надела?»

– Надела, – сказала Валя, прижимая поочерёдно ледяные уши к воротнику ледяного пальто.

Пошёл снег. «Очень приятно, – подумала Валя. – Я, конечно, шапку не взяла, зато сапоги – зимние! Умница». Потом подумала и добавила: «Надо бы с антресолей пару свитеров достать, хорошо, что вязаные носки всегда под рукой. Май-месяц как-никак».

Снег таял на мокром асфальте, и это радовало. «Хоть сугробов нет», – подумала Валя, наблюдая за несчастным, раздающим листовки у метро.

– Давайте мне две, – сказала сердобольная Валя и подумала, что только наш человек берёт листовку не потому, что ему интересна скидка в интим-магазине за углом, а потому, что жаль раздающего. Рекламный агент засиял. В его глазах читалось: «Ну, человечиче! Молодчага! Видно, скидку берёт и себе, и подруге! А может, просто хороший человек».

Листовки полетели в ближайшую мусорку, но перед этим тактичная Валя интуитивно покинула поле зрения промоутера. Чего человека расстраивать, пусть думает, что делает что-то нужное и полезное.

Спуск в метро обязательно проходит через касту элитных попрошаек, где бабушки, зоркие как ястребы, а у молодёжи золота больше, чем у тебя дома. Причём не китайского. «Китайское золото тоже ничего», – быстро успокоила себя Валя. И вдруг рядом заиграла гармонь, ноги понесли Валию на звуки чарующей «Мурки». Откуда у Вали была тяга к шансону и лихим 90-м, непонятно, но то, что она это любила, был самый необъяснимый для её мужа факт в мире. Валя лихорадочно порылась в карманах – пусто. «Неудобно уходить», – подумала Валя под тяжёлым и неприятным взглядом подземного артиста. Она открыла сумочку, что-то уныло звякнуло. Валя принялась искать причину звука. Блин, внутренний металлический замочек, не то. Валя полезла в кошелёк, гармонист взглядом откровенно насмехался, мол, «ходят тут нищоброды». Итак, 500 рублей одной бумажкой. Э, не, мужик, прости, за пятихатку я «Мурку» так спою, что мама плакать будет. И уже под уничижительным взглядом народника Валя развернулась, чтоб позорно ретироваться, как французы под Москвой, когда увидела в кармашке 10 рублей. «Ура», – подумала Валя. И с лицом человека, который изобрёл лекарство от всех болезней, кинула мелочь в кепку. Баянист снисходительно кивнул. А у Вали в голове мелькнула фраза из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова: «В лучшие времена дам больше. Лучшие времена скоро наступят, впрочем, к беспризорным детям это не относится».

Дальше без происшествий, Валя села в вагон метро, открыла электронную книгу и углубилась в чтение. Вагоны мерно разгонялись и тормозили, люди заходили и выходили, пассажиры читали, спали, сидели, стояли, слушали музыку. «Как же здесь тепло», – подумала Валя и увидела...

Глава 2

Неужели он? Валя сидела в вагоне метро поезда, который стремительно уносил её в район Строгино, но глядя на безмятежное лицо Ильи, она перенеслась в далёкий 2004 год.

Илья не был красавцем, о таких скорее скажут – харизматичный, милый, приятный, но не красивый. Рост 165, глаза навывкате, короткие волосы с рыжим отливом. Если сравнить Илью с кем-то из голливудских киногероев, это была ухудшенная копия Питера Паркера, человека-паука. С ним встречалась Наташа, Валина заклятая подруга и соседка по лестничной площадке. Ради него Наташа бросила парня, с которым встречалась два года. Это был страшный скандал и трагедия, достойная шекспировского пера. Вадим (брошенный парень) постоянно донимал Валю рассказами о своей сердечной боли, о жизненной несправедливости, о том, что все бабы – продажные суки, и в чём-то он действительно был прав. Но выносить это стало просто невозможно. Личная жизнь Вали была настолько скудна и неинтересна, что рыдания Вадима превращали её (личную жизнь) в ложку дёгтя в бочке дёгтя. Как пел Высоцкий: «Приду домой, там ты сидишь». Валя стала избегать Вадима, научила врать по телефону всех, включая кота, что её нет дома. И если Вадим караулил её у входа во двор, Валя перелезала забор с другой стороны и невидимой пулей снайпера летела в подъезд. Вадим не унывал, ведь поводом прийти к Вале была Наташа, любовь и продажная сука. Она вежливо здоровалась с ним и по-королевски шествовала к лифту. Именно таких встреч и ждал Вадим, влюблённый безумец, который с упорством маньяка продолжал надеяться, что всё это сон.

Вскоре Наташа переехала к Илье и приезжала в Марьино реже и реже, лишь с целью проведать маму и младшую сестру Нину.

Но Илья. Это действительно была тёмная лошадка. Наташа перестала общаться с Валей. Конечно же, этому поспособствовал и Вадим, который чемоданом без ручки висел на Вале. И всё-таки Наташа изменилась. Если раньше она и была со скверным характером, всё равно с ней было весело, уютно, надёжно. С ней было связано много хорошего и доброго, поэтому Вале было жаль терять общение и дружбу. Но сердцу не прикажешь, каждый из нас выбирает свой путь, и Наташа выбрала своего мужчину.

Прошло несколько месяцев, Наташка окончательно перестала появляться в родном доме. От Нины Валя узнала, что Наташе неприятно было сталкиваться с Вадимом. Адреса Ильи Вадим, к счастью, не знал, поэтому Наташа стала приглашать маму и Нину в своё новое жилище.

И вот случилось страшное...

Глава 3

Валя возвращалась со своей очередной тренировки. Ничто не предвещало беды. Воздух был свеж и чист.

– Совсем скоро мой день рождения, – пробормотала себе под нос Валя без особого энтузиазма.

Двадцать лет...

Она боялась и ждала этой даты. Ей очень хотелось убедиться, что жизнь станет другой, что-то изменится к лучшему, что это и есть рубеж, порог взрослой и счастливой жизни, на котором она стояла уже практически одной ногой. А боялась, потому что где-то в глубине души была уверена, всё будет по-прежнему. Она живёт с родителями в однушке в Марьино, перебивается случайными заработками, учится на филологическом (Карл, на филологическом, ну кто в двадцать первом веке идёт учиться на учителя, это риторический вопрос), и в личной жизни у неё полный провал. Ну как провал, её просто нет. Она, дура, ждёт хоть кого-то нормального, чтобы всем доказать, что она не старая дева.

– В двадцать лет всё изменится! – твёрдо пообещала себе Валя и шагнула из лифта на тёмную лестничную клетку этажа.

«Опять лампочка перегорела», – только и успела подумать Валя, как поняла, что на ступенях около её квартиры кто-то есть.

Если бы у неё не перехватило дыхание от страха, она бы заорала на весь дом. Но ужас схватил её горло липкими щупальцами, всё, что она смогла сделать, это выкатить глаза и замереть на месте, чтобы привыкнуть к темноте. Лифт давно уехал, судя по звуку, на десятый этаж и там далеко, в параллельной вселенной, забирал счастливых жителей дома с исправной лампочкой на этаже. А здесь на четвёртом умирала от страха девушка, так и не встретив мужчину своей мечты.

– Валюша, не бойся, это Нина, – услышала Валентина знакомый голосок с нотками истерии. Видно, Нина рыдала уже давно, а сейчас просто воет и заикается от выплаканных слёз и нервов.

Валя чуть не выронила пакеты из «Ашана», которыми собиралась отбиваться от маньяка. Она возлагала большие надежды на банку горошка и консервированные ананасы, потому что, пока несла пакеты в зубах, ей показалось, что у неё в руках гири по двадцать килограммов.

– Ниночка, дорогая, чего здесь сидишь? Чего не заходишь? Подождала бы у нас дома, тут же так темно. – «И страшно», – подумала про себя Валя, но промолчала, а ещё у неё в горле застрял вопрос: почему, собственно, Нина сидит и ждёт Валю здесь, а не в собственной квартире этажом ниже.

– Валюш, не хотела, чтобы твои родители видели меня в таком состоянии. Хотела дождаться тебя и поговорить. Помоги! – опять заплакала Нина и повисла у Вали на плечах.

– Нина, соберись, сейчас зайдём, вытри слёзы, если не хочешь отчитываться перед моей мамой, почему ты расстроена.

Эти слова магическим образом возымели над девочкой эффект. Она выпрямилась, поправила волосы, отряхнула одежду. Она знала, что мама Вали ещё тот психолог-психиатр. Мария Семёновна любила расспрашивать, уточнять, так сказать, собирать информацию. Мария Семёновна раньше работала учителем младших классов, но второе образование психолога не давало ей покоя. Пять лет назад она уволилась из школы и теперь с удовольствием и знанием дела принимала заблудшие души в своём частном кабинете. Валя с отцом в шутку называли Марию Семёновну детектором лжи и спецагентом. Мама для вида хмурилась и делала серьёзное лицо. Но ей на самом деле было очень приятно.

Пока Валя звонила в дверь, Нина с усилием наклеила на своё лицо улыбку.

– Пап, чего не спрашиваешь кто? – Они зашли и начали снимать обувь.

– Привет, Валечка, как твой день? О, Ниночка, добрый вечер, проходите, девочки. Валюш, да я знаю, что это ты так в дверь звонишь, как на пожар, – пошутил Николай Фёдорович и протопал в стоптанных тапках в гостиную, именно так гордо именовала семья Котенко свою единственную комнату в квартире.

Так как проходить было особо некуда, прошли на кухню. Все Валины друзья привыкли устраивать посиделки на кухне и знали, что это её комнатка и родители никогда без надобности не потревожат молодёжь.

– Меньше съедим, – шутили родители.

Это было царство Валентины, здесь был шкафчик с её любимыми книгами, на подоконнике стоял аквариум с меченосцами, а свой маленький ноутбук Валя всегда носила с собой. Когда-то давно семья Котенко в составе трёх человек: Марии Семёновны, Николая Фёдоровича и десятилетней Вали – переехали в шумную и огромную Москву из маленького провинциального городка на юге России. Это был страшный 1994 год, работы не было, в городе прошла серия сокращений, отца и мать Вали уволили, и семья осталась без средств к существованию. Мария Семёновна пыталась продавать пирожки на оживлённой трассе, которая соединяла соседние более крупные города. Валя помогала маме, пока папа работал на огороде, чтобы не остаться без запасов на зиму. Так они протянули год, денег катастрофически не хватало на еду, про одежду и обувь говорить было нечего. На семейном собрании решено было продать дом и переехать в Москву в поисках работы и лучшей жизни. Семье Котенко очень повезло, покупателем оказался москвич, который долго искал добротный кирпичный дом в экологически чистом районе, но не это было главной причиной быстрой покупки без торга. Москвич, как потом выяснилось, был бандитом и старался как можно быстрее увезти любимую жену, маму и двух сыновей подальше от криминальных разборок. В то же время Егор, как бы это странно ни звучало, по отношению к Валиной семье оказался не только порядочным человеком, но и хорошим другом. Он поручил своим адвокатам помочь оформить квартиру в районе Марьино, позвонил директору школы и без усилий устроил маму на работу. С папой оказалось труднее, так как профессия инженера была в 90-е абсолютно не востребована, поэтому Егор устроил папу администратором к себе в ресторан. Папе сначала пришлось нелегко, но он быстро освоился, контролировал поставщиков, следил за официантами на предмет мошенничества, научился составлять меню на банкеты с главным поваром и помогал выкидывать из ресторана пьяниц и дебоширов.

Все деньги, заработанные за 10 лет, мама и папа меняли в стодолларовые купюры и складывали в тайник. Это была Валина квартира. Мудрые родители решили не тратить деньги на расширение жилищных условий, а подарить дочери хоть и маленькую, но свою, личную квартиру, тем более дочь, по словам мамы, уже была на выданье.

Вот так на кухоньке все десять лет и жила Валя, ожидая принца на белом коне, который увезёт её в однушку, подаренную родителями. О принце с собственной однушкой Валя и мечтать боялась. Куда ей, с её серой мышиной внешностью тягаться с московскими красавицами. Принцев с однушками мало, на всех не хватит, уж Вале точно.

Девочки прошли на кухню и сели на удобный икеевский диванчик.

– Нин, кофе, чай? – из вежливости спросила Валя, а в желудке уже скакали табуны диких мустангов.

– Нет, спасибо.

– Ну? – Валентина начала терять терпение. – Если тебе сложно начать, начни с главного!

– Валя, я беременна от Ильи, – сказала четырнадцатилетняя Нина и горько заплакала.

Глава 4

Если Нина от шока и недостатка ума пока не осознавала весь масштаб трагедии, то Валя, пришибленная новостью, как мешком с навозом, была в ужасе от предстоящих последствий.

И пока Валя сидела в молчаливом ступоре, Нина начала свой рассказ, достойный программ «Пусть говорят» и «Окна».

Всё началось с самого первого дня знакомства Ильи и Нины. Наташа привела нового ухажёра домой и с восторгом описывала свой, как ей казалось, окончательный и единственный выбор маме и сестре. Мама, Татьяна Сергеевна, отреагировала на Илью спокойно, ей больше нравился Вадим, она к нему привыкла и называла его практически своим зятем. Но решению дочери разойтись с ним не препятствовала и не осуждала. Илья в первый вечер был весел, искромётен, вежлив и обаятелен.

До Остапа Бендера ему было далеко, но невооружённым глазом было видно, что есть в нём что-то от жулика.

Пока Наташа и Татьяна Сергеевна накрывали на кухне праздничный ужин в честь знакомства, Илья прошёл в маленькую спальню двухкомнатной квартиры, которая служила девочкам и спальней, и детской, и кабинетом. В комнате была комфортная двухэтажная кровать белого цвета, письменный стол и розовый диванчик. Письменный стол, жалко подделанный под орех, служил девочкам одновременно трюмо и ночным столиком. На нём стояло небольшое зеркало для макияжа, несколько флаконов духов раскрученных брендов из «Летуаля», 2 косметички (побольше и поменьше) и коробочка с украшениями. Илья опытным взглядом отметил, что драгоценностями, дорогой косметикой и духами девочки не избалованы. Нина сидела за столом и что-то писала в розовой тетради.

– Нина, я не потревожу? – Илья неслышно вошёл в комнату.

Нина заметно занервничала и покраснела. По яркому румянцу, выступившему на щеках, было件нятно, что подросток польщён вниманием двадцатипятилетнего мужчины. Нина оторвалась от тетради и улыбнулась:

– Сочинение готовлю по литературе, надо написать мои мысли по поводу Бунина и его «Тёмных аллея», хотя по мне фигня полная.

Нина старалась выглядеть круто, современно и выражаться соответствующе.

Илья подошёл ближе и присел на край диванчика. Он с интересом разглядывал девочку, которая уже начала превращаться во взрослую женщину. У неё была прекрасная кожа и яркие голубые глаза, обрамлённые чёрными ресницами, волосы скорее тёмно-русые, нежели светлые, но всё равно в целом лицо создавало образ юной светлой девочки. Фигурка, пока нескладная, но имеющая все шансы вскружить не одному парню голову, всё ещё формировалась, как и чувство уверенности в себе при виде представителя мужского пола. Они с Наташей были очень похожи повадками и манерой разговора, обе спокойные, не слишком разговорчивые, даже скрытные, о таких говорят, себе на уме. И если внешность Нины была яркой, то Наташа, старшая, оказалась более блёклой копией. Хоть у девочек и были волосы одного цвета, Наташа часто подкрашивала их в более светлые тона, а глаза ей достались от отца серые, менее выразительные, с такими же серыми и невыразительными ресницами. Муж Татьяны Сергеевны и родной отец сестёр Наташи и Нины был очень хорошим, мягким и добрым человеком. Всю жизнь Зотов Константин Владимирович работал на предприятии в районе Капотни, умер он, когда Нине был годик, а Наташа только пошла в первый класс. Татьяна Сергеевна мало рассказывала девочкам об отце, старалась перевести тему, но второй раз замуж так и не вышла. Работала стоматологом в государственном учреждении, а потом перешла в частную клинику из-за более высокого оклада, где и осталась на постоянной основе. Отзывалась о покойном

супруге мало, но положительно. И если спросить у девочек, что они помнят о папе, ни одна из них толком ничего не скажет, кроме общих фраз их матери.

Илья долго смотрел на Нину, пока та не опустила глаза в тетрадь и не залилась румянцем по шее.

– А мне очень нравится произведение Бунина «Тёмные аллеи», в этом сборнике много рассказов о любви, разочаровании и ненависти, – вкрадчиво сказал Илья и положил руку Нине на колено.

Девочка дёрнулась, как от электрического тока, но руку не убрала, а наоборот, подалась к Илье всем телом.

– В этом сборнике есть прекрасный рассказ о том, как молодой человек должен был жениться на одной сестре, а тайно любил другую. Ниночка, почитай на досуге, тебе будет очень интересно.

Видимо, услышав шаги Наташи, Илья убрал руку, выпрямился и сделал вид, что рассматривает плакат Backstreet Boys, а Нина невидящим взглядом уставилась в свою тетрадку.

– Ребят, как вы тут, познакомились ближе? Нинок, Ильюша такой интересный, скажи?

Нина кивнула и сделала вид, что занята уроками. Илья широко улыбнулся и поднялся:

– Наташенька, ну что, всё готово? Ты у меня такая хозяйюшка. Даже не представляю, чем ты сегодня меня удивишь, милая.

Илья взял Наташу за руку, поцеловал в щёку и пропустил её вперёд, чтобы пройти на кухню. Но прежде чем выйти из комнаты, он обернулся и подмигнул Нине, которая смотрела ему в спину во все глаза.

Татьяна Сергеевна сидела за накрытым столом и раскладывала салат в тарелки девочкам и гостю. На столе стояла бутылка красного вина недорогого, про себя отметил Илья.

– Нина, иди кушать! – громко позвала Татьяна Сергеевна.

Нина вышла и села за единственное пустое место рядом с Ильёй. Кухня была небольшая и все сидели за столом очень тесно, иногда касаясь локтями друг друга. Илья галантно разлил вино по бокалам и произнёс первый тост: «За ваших удивительных дочерей, Татьяна Сергеевна».

Бедная женщина и не подозревала, что именно в тот вечер за столом в своей собственной квартире стартовало начало конца.

Нина громко высморкалась в салфетку и продолжила...

Глава 5

После ужина и знакомства с Ильёй Татьяна Сергеевна долго не могла заснуть. Она решила поговорить с Наташей и тихонько постучала в спальню девочек.

– Мам, заходи, Нинок уже дрыхнет давно, а я ещё читаю...

– Наташ, ты действительно уверена в этом мужчине? Мне он показался каким-то подозрительным, скользким.

– Мам, ну ты что, Илья такой хороший, надёжный, и он говорит такие приятные вещи.

– Наташенька, а кем работают его родители? Я у него спросила, но он лишь упомянул о матери, об отце он вообще ничего не сказал.

– Мам, я не знаю, честно говоря, даже не спрашивала, но мне это неинтересно. Какая разница, если я люблю этого мужчину и хочу за него замуж. Вот ты, например, нам с Ниной ничего не рассказывала о нашем папе. Мы знаем лишь его имя и фамилию, которую носим. А каким он был, что он любил, чем занимался, какое у него было хобби? Ты нам никогда ничего не рассказывала. Только и твердишь, что он был добрым, хорошим, чутким и отзывчивым, но нам с сестрой этого мало! Мы тоже хотим узнать больше о своём отце!

Татьяна Сергеевна дёрнулась как от электрического разряда.

– Доченька, ты бы не спешила замуж, слишком быстро развиваются ваши отношения.

Татьяна Сергеевна, сгорбившись, пошла в свою комнату, а Наташа до утра слышала сдержанные всхлипы и рыдания матери.

Илья начал, якобы случайно, сталкиваться с Ниной возле школы, в магазине, во дворе и через неделю стал уже самым лучшим другом. Нина жаловалась ему на учителей, на глупых одноклассников, на тяготы девятого класса. Илья внимательно выслушивал все жалобы девочки, сочувственно и понимающе кивал, мило улыбался, всегда покупал мороженое, а один раз даже повёл в кино на дневной сеанс. Нина была на седьмом небе от счастья. Он казался ей таким взрослым, серьёзным, романтичным, красивым, самым лучшим на земле. По сравнению с ним её одноклассники были даже не серыми мышами, а чем-то средним между инфузурией-туфелькой и амёбой. Нина стала подкрашивать глаза, губы, изо всех сил пытаясь выглядеть взрослее. Однажды она попросила у Наташи туфли на каблуках. Старшая сестра ответила сердитым отказом, потому что туфли были дорогие и фирменные. Но Нина не сдалась и, когда Наташа убежала на работу, спокойно взяла туфли в сумку и переобулась перед встречей с Ильёй. Сегодня у них важное свидание, Илья ведёт её в кафе, и ей надо быть взрослой и красивой. Она даже не задумывалась, какой бомбой замедленного действия стали их тайные встречи. Ни мама, ни Наташа даже не подозревали, что происходит с ребёнком, где она проводит время после школы и почему её поведение и внешность так изменились за последние несколько недель.

Как ни в чем не бывало, вечерами Илья гулял с Наташей, которую забирал с работы неподалёку от её дома. Дарил девушке цветы и засыпал комплиментами. Наташа часто ездила к Илье в гости, где и оставалась на ночь.

Таковыми вечерами Нина просто сходила с ума от ревности, ненависти и злобы. Бедная Татьяна Сергеевна пыталась поговорить с дочерью, кричала, уговаривала, плакала, но Нина была словно под гипнозом. Мать умоляла её сходить к врачу и сдать все анализы, которые лишь дали подтверждение, что ребёнок абсолютно здоров физически. И тогда Татьяна Сергеевна повела Нину к психологу, где и выяснилось, что дочь влюблена, а перепады настроения – лишь гормональный фон пубертатного периода, что волноваться абсолютно не о чем и что все мы такими были. Все успокоились, а зря. На самом деле волноваться стоило.

Ночами, когда Наташа оставалась у Ильи, Нина мечтала о смерти, нет, не своей, Наташиной. Она представляла, как отравит старшую сестру утром за завтраком, насыпав ей яд в

кофе, или столкнёт с четвёртого этажа, когда сестра будет мыть окна. Эти мысли успокаивали Нину, она переставала беззвучно скулить и думать о том, что прямо сейчас он обнимает её за талию и привлекает к себе, целует мерзкие губы, тощую шею и грудь, гладит покрашенные безжизненные волосы, они вместе в постели занимаются любовью весь вечер, ночь и утро. А на прощание он готовит ей завтрак и отправляет на такси домой, чтобы она успела принять душ и переодеться перед работой.

Да, Нина возненавидела Наташу с первого вечера знакомства, с того самого момента, когда Илья положил ей руку на колено в комнатке с плакатом Backstreet Boys.

Однажды, когда она поджидала Илью в условленном месте, на самой дальней лавочке огромного парка на набережной, Нину посетила трезвая мысль – она на секунду задумалась о страшной ситуации, в эпицентре которой она оказалась. Она тайно встречается с женихом своей старшей сестры, врёт матери, желает Наташе смерти. А Илья? Почему он создал эту ситуацию? Зачем ему четырнадцатилетняя Нина?

Но трезвая мысль тут же улетучилась, когда на горизонте появился Он. Он стал для неё Вселенной, центром, самым главным, родным, близким, идолом, богом. Нина готова была молиться на него, поклоняться и делать всё, что он скажет. Это был её наркотик и её религия.

Илья по-братски поцеловал Нину и сел рядом на скамейку. Щёки девочки стали пурпурными. В эти минуты Нина была так счастлива, его запах дурманил ей мозг, его лицо было для неё самым прекрасным на земле. Если бы ей приказали отдать за него жизнь, она бы только переспросила, как именно ей принести себя в жертву на алтарь божества Ильи.

– Привет, малыш, как твои дела, мой хороший? У тебя такие глазки красные, ты что, опять плакала? Непослушный малыш, папочка запрещает плакать таким красивым глазкам. – Илья стал гладить Нину по плечу.

– Нормалёк... эээ... гмм... – Нина боялась задать этот вопрос, но собравшись с духом, решила. – Наташка вчера у тебя ночевала... опять... – Глаза Нины налились слезами, она была похожа на резиновую игрушку для ванной, из которой польётся вода, стоит на неё только надавить.

– Глупышка, маленькая моя, ну зачем ты расстраиваешься? Ну иди сюда, папочка тебя пожалует...

Илья пересадил Нину к себе на колени и обнял за талию.

Нина, забыв обо всём на свете, уткнулась Илье в плечо, его запах, голос, нежность сводили её с ума. В такие моменты она была готова делить его с кем угодно, с Наташей, Глашей, Машей и десятью другими бабами, лишь бы иногда, хоть изредка он был только её.

Из любовного угара Нину вернул к жизни его голос:

– Малыш, а вам не надоело в тесноте жить с Натахой? Вы уже две взрослые девахи на выданье, – грубо хохотнул Илья.

– Ильюша, мама копит мне на квартиру, все деньги заработанные откладывает. У нас дома есть тайник, о нём только я и Наташка знаем. Мама пообещала каждой из нас по квартире на свадьбу купить, это вроде папа после смерти нам наследство оставил...

Нина нежно смотрела на своего идола и гладила по волосам.

– Понятно, малыш, ну а ты знаешь, где тайничок? Или, может, мамуля вам лапшу на уши вешает, надеется, что найдёте женихов побогаче и свалите на все четыре стороны, – Илья засмеялся вслух, а Нина даже не обратила внимание на оскорбление матери и на странный, неуместный вопрос.

– Нет, милый, не обманывает, я сама видела, как маман опять туда премию прятала свою и Наташкину...

Глава 6

Илья лениво зевнул и нехотя заметил:

– Не называй меня больше милым. Меня это раздражает, ты же знаешь.

– Но она тебя постоянно называет милым, даже по телефону! – плаксиво заметила Нина и надула пухлые губы.

«Хороша, зараза, – подумал Илья мельком, – не то что бесцветная и бесхребетная сестрица. Эх, не была бы ты малолеткой...» Илья оценивающе погладил спину и заметил прекрасный плавный изгиб, результат занятий танцами с шести лет, грудь неразвита, но всё ещё впереди, личико практически идеальное.

– Малыш, а поехали ко мне домой?

Нина жевала во рту язык, промычала что-то нечленораздельное, но ей хватило силы воли отрицательно мотнуть головой.

– Ну глупышка, не упрямясь. Посидим немного, кино новое посмотрим «Гарри Поттер и узник Аскабана».

– «Узник Аскабана», правильно через «з», – машинально поправила Нина, но ни для неё, ни для него это не имело принципиального значения.

Охотник увидел, что жертва заглотила наживку, и ему было наплевать на все согласные, неважно, звонкие или глухие.

Жертва уже поняла, что поедет. Она знала это с самого начала, но здравый смысл, задушенный глупостью, ещё пытался сопротивляться. Второй страстью, помимо Ильи, были книги и фильмы про Гарри Поттера. Нина ждала выхода каждой новой книги как праздника, поэтому здравый смысл понял, что у него нет шансов, лёг и умер.

– А далеко ты живёшь?

Они направлялись бодрым шагом к станции метро «Марьино». Нина попыталась взять любимого за руку, но тот сделал вид, что поправляет одежду.

«Видно, беспокоится о моей репутации», – нашептала глупость мёртвому здравому смыслу.

Когда Нина повторила свой вопрос, Илья ответил, что недалеко, на Римской, прямо по прямой веточке. Десять минуток ходьбы.

После метро они шли не десять, а все сорок минут. Нина устала, так как после школы ничего не ела и не пила. Они подошли к старенькой, пятиэтажной хрущёвке без кодового замка, и парень, всё ещё играя роль галантного кавалера, открыл входную дверь в подъезд.

Нине резко ударил в нос отчётливый запах аммиака, мочи человеческой и (или) кошачьей, но оттого, что дверь в подъезд была предусмотрительно закрыта, хотя и не заперта, запах, видимо, здесь стоял круглогодично. Илья жил на пятом этаже, и Нина прошла с ним четыре круга преисподней, с блевотиной, лежащим наркоманом, которого Илья просто переступил, а Нину практически перенёс через него. На пятом этаже, куда поднимался весь сигаретный дым, Нина поняла, что первый этаж с глотком свежего воздуха не такой уже и вонючий.

Они зашли в угловую квартиру с дверью, оббитой красным дерматином.

– Прошу в логово холостяка!

Илья оптимистично включил свет, и Нина сразу же увидела двух тараканов, которые скрылись где-то в направлении кухни.

Бедненькая однокомнатная хрущёвка была настолько тесной, что Нина уже из коридора увидела слева окно комнаты, а справа окно кухни. Посредине сего творения человеческого маразма под названием «жильё» горделиво стоял остров «туалет/ванная», который разделял конурку на поспать и пожрать. Обстановка была очень бедной из далёких пятидесятых годов: сервант на тонких ножках с прямоугольной дверцей посредине, которая становилась столи-

ком непонятно для чего, а сверху два стекла, которые разъезжались в сторону друг от друга, и если надо было достать сервиз или документы, то пальцами хватали одно стекло и аккуратно «толкали» его в сторону его товарища. При этом весь сервиз гремел, стёкла дребезжали, а на фарфоровом петушке, в который большинство мужчин прятали водку, чтоб жена не догадалась, крышечка грозилась разбиться. Два кресла на тонких ножках были продавлены до такой степени, что казалось, если ты в них сядешь, то тебе понадобится вся физическая форма, чтобы подняться обратно. А венцом мебелировки была огромная тахта посреди зала, предумышленно накрытая чистой простыней. От простыни пахло свежестью, и Нина поняла, что это единственная вещь, которая ей нравится в этом доме. Нина села прямо на простынь, но не потому, что ей хотелось любовных утех, а потому, что это было единственное приятное и чистое место в квартире.

Илья, очевидно, не догадываясь об истинных намерениях Нины, заметно поморщился.

– Малыш, погоди, не торопись, а как же твой тюремщик?

Нина вздрогнула:

– Какой тюремщик, ми... Ильюша?

– Ну Гарри Поттер.

– Да! Да!

Нина подскочила и захлопала в ладоши.

«Какая же ты тупая малолетка», – с горечью и обидой подумал Илья и добавил себе под нос:

– Правда, очень красивая...

– Что, Ильюша? Я не услышала. – Нина сняла джинсовую курточку и повесила на спинку кресла.

Она была прекрасна в тёмной школьной юбочке и светлой рубашке, распущенные волосы красиво обрамляли лицо, брови, широкие и густые, добавляли ярким огромным глазам глубины и выразительности.

«И почему тебе не двадцать», – подумал Илья, а вслух добавил:

– Малыш, сейчас найду диск и принесу что-нибудь пожевать и выпить.

Нина была так счастлива, что забыла две самые важные вещи перед тем, как ехать в гости к малознакомому человеку. Но Илья был ближайшим другом последнее время, скажете вы, и будете правы.

Да даже если бы Нина помнила два золотых правила поведения в незнакомой квартире (1. Предупредить кого угодно: маму, сестру, подругу, соседку, но чтобы хоть одна живая душа знала, с кем ты. 2. Назвать адрес пребывания.), то всё равно бы не сделала этого. Она была слишком увлечена Ильёй, приключением, предстоящей премьерой: для неё, Нины Константиновны Зотовой, будет показ фильма, который только вышел на экраны Европы и Америки.

В начале нулевых сотовые телефоны приобретали популярность в геометрической прогрессии. Поэтому в 2004 году даже у скромной семьи Зотовых были довольно крупные, но надёжные Нокia 3310. И если бы Нина не скакала морским конём по сомнительному «логову», а отправила матери или сестре СМС с адресом, то многих страшных событий можно было избежать.

Если бы здравый смысл воскрес, он бы спросил у глупости, куда Илья пошёл искать диск, если вся телевизионная техника, состоящая из бедненького серебристого Funai и видеомэгнитофона к нему, была здесь, около ложа любви. Дисководом нигде и не пахло, но опустим.

Здравый смысл был мёртв, и задавать вопросы было некому.

Нина с ногами устроилась на чистой простыне, тахта измученно заскрипела. Девочка боялась вытянуть ноги обратно, подумав, что сломала раритет. Одной стороной тахта была прислонена к стене, на которой висел большой коричнево-бордовый ковёр, который доставал

от двери комнаты до самого окна. Нина попыталась облокотиться на него, но, прикоснувшись, потревожила такое облако пыли, что закашлялась.

Илья вернулся в зал в странных грязных шортах и с голым торсом. В таком наряде девятиклассница своего бога ещё не видела. Но всё равно он был хорош. Первые впечатления от подъезда и хрущёвки прошли. Сидя на диване, Нина с замиранием сердца следила, как Илья приближается к ней с подносом.

На подносе стояла бутылка открытого советского шампанского (хотя звука открываемой бутылки не было, но разве Нина обратила бы на это внимание?), два пузатых бокальчика из тёмного цветного стекла, доверху наполненных игристым напитком, в тарелочке сиротливо лежали три четвертинки яблока с косточками, четвёртую жевал Илья.

– Малыш, угощайся, прекрасное вино для прекрасной девушки!

– Спасибо, Ильяша! – Нина расплылась в улыбке и взяла бокал в маленькую ручку, очевидно, ожидая тоста.

Но так как парень махнул свой бокал залпом, девочка немного пригубила из своего.

Нина редко пробовала спиртное, мама разрешала ей выпить бокал вина на Новый год или день рождения. Поэтому среди одноклассников Нина не была белой вороной, она знала вкус спиртного и могла сделать глоток на дискотеке. Но никогда не напивалась в хлам и не блевала в школьном туалете, как некоторые подружки, у которых дома был железный занавес, а на школьных дискотеках они срывались с цепи и пили всё подряд. Потом родители таких девочек приходили в школу со страшными скандалами, обвиняли учителей, которые силком заставляли их чадушек лакать пойло.

Нина знала вкус советского шампанского, но это ей показалось уж больно горьким.

– Глупышка, за любовь до дна! – Илья буквально руководил ножкой бокала, пока он не опустел.

Плохо Нине стало сразу. Сначала поплыла комната, а потом поплыл уже Илья. Он наклонялся, что-то спрашивал, улыбался, но одурманенная девочка уже ничего не слышала. Глаза всё ещё могли немного сфокусироваться на предметах, а вот слух совсем пропал, как будто выключили звук в комнате и во всём мире. Голодный молодой организм, не отравленный токсинами, вырубился мгновенно, один раз Нина в полубессознательном состоянии свесилась с чистой простыни, чтобы вырвать, и тут опять включился звук. Илья орал и матерился, называл её очень плохими словами, а она только глупо улыбалась и всё хотела напомнить, что «Гарри Поттер и узник Азкабана» пишется и читается через «з», а не «с».

За окном светало, Нина открыла глаза и застонала. Головная боль от света была настолько сильной, что девочка почти потеряла сознание. Немного отдышавшись, она пошевелилась. Ничего не болело, кроме головы. Когда-то в детстве у Нины было сотрясение мозга, ей постоянно тошнило и она рвала, в больнице её положили на койку и давали лекарства, и строго приказали сохранять полный покой.

Нина вспоминала, где вчера она могла так упасть, что опять получила такое страшное сотрясение, от которого тошнит, постоянно хочется рвать, а головная боль близка к пыткам. Потом она заметила сидящего рядом Илью, увлечённо читающего содержимое её телефона.

– А, малыш, очнулся! Ну ты моя глупышка, напилась вчера, как последняя свинка, вела себя безумно, ещё и нападала на меня. Практически изнасиловала.

В голове у Нины бил церковный колокол. Язык присох к нижнему небу и к части нижних зубов. Во рту был вкус желчи и протухшего яйца. Она попыталась открыть рот, но потом медленно встала и по стенке пошла в туалет.

Туалет был настолько маленьким, что сесть на унитаз можно было только с открытой настежь дверью. Стены туалета были до потолка обклеены голыми красотками с аппетитными формами. Но взглянув на унитаз, бедным женщинам на плакатах можно было только посочувствовать, потому что им, бедным, приходилось годами нюхать ржавую, подтекающую канали-

зацию, коричневый унитаз, который в своей далёкой юности был белым и непорочным, и слой фекалий, который несчастные грудастые девушки с постеров не только нюхали, но и созерцали.

Нина вырвала, так и не закрыв за собой дверь. Согнувшись пополам, ногами она стояла в коридоре, а лицом над унитазом. Сил пойти в ванную и умыться не было, Нина упала на кровать.

– Любишь кататься, люби и саночки возить, нечего было вчера напиваться и дебоширить, малыш. Кстати, вот тебе баночка, сходи пописай в неё и мне принеси, я тест на беременность сделаю. А то ты рвёшь постоянно. Ты же не предохраняешься? Таблеточек никаких не пьёшь?

Нина мотнула волосами и замычала что-то нечленораздельное. В голове стоял маленький бульдозер, который собирался произвести демонтаж черепной коробки.

– Иди-иди, малыш, вот баночка. Быстрее.

Нина стояла и пялилась на две полоски. Выпрыгнуть, выпрыгнуть, выпрыгнуть с пятого этажа, чтобы это всё разом прекратилось. Она хотела убить двух зайцев: положить конец этой чудовищной головной боли и позору пьяного совокупления, которого даже не помнит.

Илья довёл Нину до Римской, поцеловал в щёку и задал вопрос:

– Малыш, рожать-то будем или как?

Нина отрицательно покачала головой.

– Ну умничка, если ты хочешь, чтобы мама и Наташа ничего не узнали, ты должна мне по-тихому вынести весь тайник. Этого, конечно, на всё не хватит, но я добавлю. Поняла?

Нина закивала головой. Ужас от того, что мать и сестра узнают о её похождениях, довёл её до истерики. А потом она поняла, что никто со вчерашнего дня не знает, где она, с кем и жива ли.

Илья увидел возрождение трезвых мыслей в беспомощных глазах девочки и добавил:

– Малыш, если только вякнешь мамаше или сеструхе, что была со мной, то я расскажу им во всех подробностях, что ты со мной вытворяла, поняла?

И вот Нина сидела перед Валею в маленькой кухне, красная, рыдающая, дрожащая и несчастная. А Валя, сцепив зубы, боялась подойти и вмазать со всей дури по тупой и заплаканной роже.

Глава 7

Валя наклонилась к Нине и громким шёпотом спросила:

– Ты матери звонила? Я тебя спрашиваю, ты матери звонила?

Шёпот становился угрожающим и напоминал шипение потревоженной змеи.

Нина сжалась в комок и казалась ещё меньше, моложе, худее и несчастнее.

– Нет.

– Ты дура? Нет, я тебя спрашиваю, ты дура или только прикидываешься? Хотя чего я спрашиваю, когда надо утверждать, ты дура! Ты сидела на тёмном этаже и ждала меня, пока твоя мать и сестра обзванивали морги и больницы, возможно, они уже написали заявление в соответствующие органы. И сейчас милиция опрашивает твоих одноклассников, учителей и директора.

Если бы эмоции девочки можно было представить в виде определённых декораций (как иногда происходит в мультфильмах или фильмах), то это выглядело бы примерно так: четыре человечка в белых халатах стучатся в дверь с надписью «Мозг». Дверь вся заросла паутиной и ядовитым плющом. Медработники активно обрывают плющ и паутину, дёргают ручку, и дверь медленно скрипит на ржавых петлях. В маленькой комнатке темно, душно и очень беспорядочно. Здесь валяются обрывки постеров Backstreet Boys, которых вовремя заменили на Гарри Поттера. Книжки Гарри Поттера повсюду. Парочка губных помад, туфли на каблуках, школьные тетрадки, торчащие из мусорки, и повсюду фотографии Ильи. Вся крошечная комнатка (которая символизирует мозг, ну вы поняли) завешана разными фото с Ильей. Там, где он один или с Ниной, красным маркером поставлено сердечко, а там, где он с Натальей, старшей сестрой, чёрным маркером нарисован череп и пожелание скорейшей смерти (Наташе, разумеется). Посреди комнаты труп маленькой девочки в очках и с книгой Бунина «Тёмные аллеи». Врачи без слов начали интенсивную терапию. Сквозь черепную коробку долетало бойкое «Ты матери звонила?», разряд, раз, и у девочки на полу появился пульс, «мать и сестра морги обзвонили», ещё разряд, пульс участился, и появилось дыхание, запустили сердце.

Врач: «Мозг не безнадежен, коллеги, реанимируем дальше!»

Фраза «милиция допрашивает всю школу» заставила Мозг открыть глаза. Она была слаба, так слаба. Она всё бормотала... Праздность меня ударила книгой по голове, Гнев и Страх ничего не делали, просто смотрели. Я вырубилась, не дойдя до метро. А что было? Врачи посмотрели мудрыми глазами – Мозг, оживай и приступай к работе, без тебя в жизни полный пипец. Праздность мы сейчас нейтрализуем, пусть посидит немного со Страхом. Он всегда в ж...пе прячется. Значит, и ей туда дорога. А ты, Мозг, дорогая, будь сильной. Тебе в пятую точку нельзя! Твоя цель – выжить, понимаешь? Тебя ещё не раз валить будут, но ты как птица-феникс, всегда восстанешь из пепла.

Мозг зашевелился, начал обрывать все фото, складывать в мусорные пакеты, она пылесосила, мыла полы, через несколько секунд комната блестела, да, она была пуста, но Мозг уже дал команду подсознанию по списку литературы.

Реанимация Валиных слов помогла Нине прийти в себя. В глазах впервые за месяцы знакомства и дружбы с Ильёй появилась мысль. Затем вторая, третья. Непривычное ощущение для Нины шевелить Мозгом, но ей нравилось и микродевочке в очках тоже.

– Вальчик, ты права! Немедленно надо звонить матери.

Но потом глаза Нины наполнились слезами.

– А как же беременность? Что я маме скажу? Она меня из дома выгонит! Я позор семьи и школы. Лучше пойду и умру под забором.

Валя полезла на табуретку и достала с кухонного шкафа огромную обувную коробку из-под женских сапог. В ней лежало столько лекарств, что запросто можно было вылечить разом

несколько деревень в Африке. Тесты на беременность здесь тоже были. Нина вопросительно взглянула на Валю, та кивнула.

– Да, маминым пациенткам тоже бывает плохо иногда, у мамы разные методы лечения психических и психологических заболеваний. Реакция на тест иногда показывает сущность, скрытую глубоко внутри. Мама, конечно, не ко всем такую методику применяет, но пару раз помогало.

Вот банка из-под майонеза, бери и иди по-маленькому. Разумеется, не здесь, банку с мочой неси сюда, только тихо, а то моя мама-психолог тебя живо вылечит.

Нина тупо смотрела на тест. Одна полоска. Что за бред.

Валя сидела с лицом человека, показавшего Колумбу, в каком направлении Америка.

– Нина, тебя развели как последнюю лохушку. Ты понимаешь, что ты не могла забеременеть и тест мгновенно бы показал положительный результат. Это невозможно. Должно пройти время, чтобы организм сам понял, получил сигнал о беременности. В общем, на анатомии ещё узнаешь.

Слушай, а ты это... Илья тебя случайно не изнасиловал? Жжения, зуда, крови, пятен на белье у тебя нет?

Нина перепуганно замотала головой.

– Валюш, нет, со мной всё хорошо, физически в смысле. Я думаю, что Илья побрезговал, от меня так рвотой несло.

А Валя про себя подумала: «Твой подонок Илья побоялся сесть в тюрьму за изнасилование и растление малолетних, это страшный приговор, статья и срок. Это тебе не бабки выманить у девочки-дуры».

Нина полезла к себе в рюкзачок в поисках заветного телефона.

– У тебя зарядка есть? – чуть слышно сказала она, – а то у меня телефон разрядился.

– Сейчас. – Валя бесшумно удалилась за дверь.

Телефон приветливо поздоровался с нерадивой хозяйкой и показал главный экран. Нина набирала номер матери несколько раз. Сначала шли длинные гудки, а потом телефон вообще перестал отвечать. Пластиковая трубка твердила, что абонент вне зоны досягаемости.

– Может, разрядился? – неловко произнесла Нина, глядя на Валю.

– Набирай сестру! – скомандовала Валя.

– Эээ, ну я с ней вроде как не общаюсь...

– Нина, я тебе сейчас врежу! Немедленно набирай сестру! Ты с ума сошла? Ты вообще знаешь, что ты натворила?

– Наташа, привет, не ори в трубку. А что с мамой? Я ей не могу дозвониться.

По напряжённому лицу девочки было видно, что новости печальные. Она пыталась оправдываться, начала рыдать взахлёб, у Нины началась форменная истерика.

Валя не слышала разговор, но поняла, что случилось что-то очень страшное. Нина положила трубку и сказала:

– Мама в больнице. У неё подозрение на инфаркт.

Глава 8

– Мама, мамочка... Родная моя. Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы мама поправилась. Пожалуйста, Господи, я больше никогда её не брошу, никогда не буду волновать, прошу тебя, Ты же Всемогущий. Пожалуйста, помоги маме, пожалуйста, излечи её. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

Нина бормотала молитву про себя и вслух, целовала свой крестик, умывалась слезами, пока Валя на переднем сиденье указывала таксисту, где лучше припарковаться возле больницы.

Наташа, накинув белый халат, уже ждала девочек на первом этаже. Увидев Валью, Наташа посмотрела на неё с такой благодарностью и любовью, с которой не смотрела на свою собственную сестру.

– Валь, спасибо, что приехала и...эту дуру привезла...

Наташа неловко благодарила Валью, но её глаза были вместо тысячи слов, полные слёз, жалости и грусти.

Валя быстро положила руку Наташе на плечо.

– Натали, ты чего? А ну успокойся! Как Татьяна Сергеевна? Как её здоровье? Что врачи говорят?

– Говорят, что это острый коронарный синдром, предынфарктное состояние. Необходимо сейчас пройти лечение, потом полный отдых и покой. Никаких нервов, ну ты сама понимаешь. Я пришла вечером с работы, мать на нервах, говорит, иди ищи Нину. Я ей говорю, мама у подружек где-то сидит или в торговом центре на фуд-корте засела. После 22:00 их всех охранники выгонят, не переживай. Приняла душ, поела и прямо-таки вырубилась, целый день на ногах, сил не было. В 5:00 меня мать будит, сама бледная, как смерть, говорит, целую ночь обходила наш район, Нинки нигде нет. Телефон не отвечает. Я вскочила, давай в милицию звонить, а они заявление не принимают. Сказали, пусть время пройдёт, подросток ваш объявится, а мы зря заявление раньше времени оформлять не будем. Я до 8:00 больницы обзванивала, морги не решилась, просто рука не поднялась. Да куда все больницы в Москве обзвонить, сама знаешь.

Мы в школу побежали, думали, может, испугалась, да сама с утра в школу припрёт. Типа ничего и не было, а мы с мамой постесняемся скандалить при одноклассниках и учителях. Я на работе отпросилась, сказала, что на больничный пошла. Несколько уроков просидели с мамой в школьном дворе, оттуда её на скорой и забрали. Я так перепугалась за маму, что мне стало уже не до пропажи. Опомнилась вечером, когда эта дурында мне сама набрала.

Я целый день за лекарствами бегала, маме постельное бельё, тапки, халат собирала. Пока бегала, наш врач лечащий сказал, что кризис миновал. Вовремя обратились, дома не отлёживались. А если бы домой пошли «лежать», то неизвестно, чем бы закончилось. Хорошо, что я к маминым знакомым позвонила в стоматологию, они сразу место в больнице нашли и кардиолога прекрасного.

Валь, я так испугалась, думала, что мама умирает, – уже сквозь слёзы произносила Наташа.

Весь стресс, ужас и страх, которые Наташа так мужественно держала в себе целый день, прорвал плотину горьких слёз. Девочки сидели обнявшись на первом этаже, две подруги, которые никогда не были бывшими. Просто жизнь на время разлучила их, но в тяжёлое время стало понятно, что каждая из них осталась человеком, хорошим человеком.

– Натаха, дорогая, пока Нинка у мамы, я тебе кое-что расскажу... Ты не нервничай. Но надо принимать решение.

Валя рассказала всё: от встречи Нины на этаже до приезда в больницу.

Наташа сидела ни живая, ни мёртвая. Страх за сестру, ненависть к Илье, раскрытие основных мотивов его интереса к семье добило Наташу. Схватившись ладонью за рот, она пулей полетела в туалет. Наташа вернулась мокрая и холодная, зубы стучали, создавалось впечатление, что девушка окуналась в умывальник с головой, а может, так оно и было. Валя не могла промолчать ни про Нину, которая по глупости чуть не убила мать, а может быть, и сама бы лишилась жизни от интоксикации организма, ни про сволочной план, который подонок выносил как родное дитя.

Наташа рассказала подруге, что Илья стал вести себя чересчур нервно, намекал на свадьбу, против которой девушка в принципе ничего не имела, но был один нюанс. Илья поставил условие, что после свадьбы он и Наташа переселятся в двушку (с его пропиской, разумеется), а Татьяна Сергеевна и Нина пойдут жить в однушку Ильи. Для Наташи это было странным условием, она искренне не понимала и пыталась убедить любимого. Ей льстило, что он хочет улучшить их жилищные условия, единственное, что смущало, это улучшение за счёт её семьи. Наташа убеждала, что можно взять кредит и спокойно поменять его квартиру на двушку, а то и трёшку. Услышав это, Илья взбесился, он долго орал на невесту и первый раз назвал дурой. Наташа рыдала, сидя на тахте, на которой позже чуть не отравилась родная сестра. Звонок в дверь заставил её прийти в себя, сквозь закрытую дверь в единственную комнату Наташа поняла, что хозяйка квартиры пришла требовать долг и грозила выселением с милицией. Странно, но Илья обещал вернуть долг аккурат после даты свадьбы.

Это было последнее свидание будущих молодожёнов. Наташенька была взрослая, работающая девушка, она молча обулась, оделась и прикрыла за собой дверь. Илья её, понятное дело, не останавливал. Ей было горько, мерзко, противно. Наташа шла к метро интуитивно, не разбирая дороги. Она не плакала, а лишь до крови кусала губы и часто-часто моргала сухими глазами. Ей действительно было обидно не за вонючий клоповник с вечно обгаженным унитазом, который она честно заливала всем, чем только можно, но его надо было только сжечь. Ни за деньги, которые он у неё занимал, а она гасила долг зарплатой и кредитной карточкой. Ни за странных знакомых и вечные тайны в СМС и телефонных разговорах. Ей было обидно, потому что он ей по-настоящему нравился. В нём была изюминка, он мог быть смешным, мужественным, нежным и очень представительным. Он умел пускать пыль в глаза, а Наташа доверилась и не разглядела главного за всей этой бурей в стакане воды – фальши от начала и до конца.

Поведав Вале свою горькую правду, она закрыла лицо руками.

– Наташ, прости меня, пожалуйста... – Нина вышла из маминой палаты и обняла сестру.

Девочки сидели обнявшись и плакали. Две сестры, две родные кровинки, два самых близких человека чуть не потеряли друг друга.

Валя деликатно отошла в сторонку и посмотрела на дисплей, 1 пропущенный, «Вадим».

– Нат, Вадим мне звонил. Ты не против, он завтра проведает Татьяну Сергеевну?

– Валь, конечно! Спасибо. Я тоже перед ним виновата, объяснюсь. Надеюсь, мы останемся друзьями.

– Девочки, а как же тайник? Илья мне велел завтра с утра всё принести на станцию метро... – Нина произнесла фразу и замолчала, ей было стыдно, но теперь и вовеки веков она говорила только правду, слишком страшный урок стал результатом её вранья.

– Нинок, с утра это во сколько? – Валя почуяла добычу и сделала стойку.

– Сначала я должна написать ему, что «потроха» у меня, т. е. содержимое схрона, это Илья так всё называл, – ответила на приподнятую бровь Вали Нина.

– А потом? – Наташа кусала ногти.

– Потом он мне скажет, на какую станцию метро привезти все «потроха».

Валя уже не слушала про станцию метро и Нинкину курьерскую доставку, она набрала номер.

– Егор Иванович, нужна ваша помощь, сестра моя попала в беду, её нехороший человек обидел, а сейчас пытается на деньги кинуть. Хорошо. Спасибо. Жду.

Глава 9

Егор Иванович Левин, 1954 года рождения, уроженец Тверской области, был однофамильцем персонажа классика Льва Николаевича Толстого из романа «Анна Каренина», но в начале страшных и лихих девяностых он был известен как Гоша Тверской. К сорока годам у Егора была школа карате «киокушинкай», двое маленьких сыновей, Владимир двенадцати лет и Валентин шести лет, любимая жена, умирающая от рака мама и враги – смотрящие чудесного города Тверь. Егор перестал платить «дань» шестёркам мерзкого бандита Анатолия Поднебесного уже несколько недель назад.

Был август девяносто второго, Егор возвращался домой после тренировки. Половина детей опять не заплатила. Егор был терпеливым и добрым человеком, он разрешал бедным семьям тренироваться бесплатно, а некоторых деток, которых ловил на воровстве, силком приводил в школу на тренировки. Он заставлял детей «отрабатывать» преступление; одним из таких верных и преданных учеников был Цыган. Парнишку пятнадцати лет тренер словил на воровстве на центральном рынке, где торговал выращенными в летний сезон овощами. Парнишка украл бумажник у мужчины, и его бы буквально забили ногами до смерти, если бы не Егор.

– Мужики, мужики! Хорош. Пацана убьёте, – орал он, хватая бесчувственное тело.

– Эта мразь мой бумажник подрезала, пусть подохнет! – чувствуя кровь и азарт, шипел потерпевший.

– Я за него отвечу. Теперь подо мной ходит, – сказал Егор, доставая из-за прилавка дубину.

Глядя на размеры поручителя, двое оскорблённых и униженных плюнули на окровавленное тело и развернувшись пошли.

Егор затащил парнишку за прилавок и побежал к телефону-автомату.

– Вовик, твоя копейка на ходу? Давай ко мне, спасибо, брат.

Вдвоём с лучшим другом Владимиром, которого считал братом, Егор перетащил худенькое тельце парня в машину и повёз домой. Жена Светлана была испугана, но быстро сориентировалась. Семья знала, что в скорую нельзя, вмешается милиция, а от неё ничего хорошего не жди. Парня отмыли, перевязали ссадины и синяки, напоили через трубочку бульоном из самых дешёвых костей, сами такое ели, и тело потихоньку трансформировалось в живого волчонка. На лице горели только глаза, но было видно, что любое движение доставляет ему адскую боль. Егор познакомил его со своей семьёй, женой, мамой, сынишками и другом. Мальчик плохо разговаривал, но внимательно слушал. Егор взял его с собой на первую тренировку спустя месяц и понял, что обрёл великого ученика. Цыган, так прозвали ребятёнка, не знал своего имени и фамилии, судя по коротким рассказам, родители-алкоголики подбросили его в тверской приют, из которого он сбежал. Пару лет он жил с бомжами и воровал что придётся. Егор ещё долго учил его манерам, поведению, как сходить в туалет, не замазав ничего вокруг, но что-то нравилось ему в парнишке, что, он понял на тренировке. Цыган горел страстью и любовью к спорту. Всю боль, всю скорбь и печаль он выливал в спортзале. Он смотрел на Егора как на бога, и это действительно была его религия. Цыган с помощью Егора окончил девять классов (аттестат выписали за глаза, ведь пухлый сын директора тоже занимался на карате и Цыган частенько защищал его от местной шпаны как собрата по тренировкам). По документам это был Иван Иванович Цыганков, работающий подмастерьем на заводе. По жизни это был лучший боец Тверской, Московской и других областей. В тот злополучный вечер он усиленно тренировался в зале. Егор арендовал у ЖЭКа подвал соседнего дома, который был задуман под парковку, там жил Цыган, смотрел за оборудованием и всегда наводил блестящую чистоту. Цыган заботливо сворачивал огромный плакат Масутацу Оямы, основателя японской школы

карате киокушин, и «чинден» – иероглиф, который стал символом школы, то есть «Союз искателей абсолютной истины». Это была маленькая Япония посреди нищей криминальной Твери.

И в этот жаркий августовский вечер Егор возвращался домой с тяжёлыми мыслями. Рынок ничего не приносит, в школу ходит всего десять человек, все на каникулы по деревням разъехались. Чем платить аренду зала, коммунальные и, главное, на что покупать еду всей семье?

Открытая дверь на втором этаже в пятиэтажной хрущёвке не сулила ничего хорошего. Егор научил всех закрывать двери плотно, первую обычную, «дермантиновую», и вторую, деревянную, тяжёлую, с железным засовом. Дверь с засовом была приоткрыта. Егор бесшумно спустился на первый этаж и взял палку для выбивания на почтовых ящиках. Бесшумно войдя в свою квартиру, он услышал шум воды и стоны. Проскользнув в ванную, Егор увидел свою собственную жену, хлебающую воду из наполненной до краёв ванны, куда её окунали с головой, сзади стоял мерзкий бывший зек-наркоман и гнусно поднимал ей халат. Света на подкосившихся ногах, пыталась оттолкнуться руками от ванны, но это были её считанные секунды.

Егор хлестнул палкой по ногам, зек надломился, как осина. Не дав ему опомниться, боец ударил палкой по лысому черепу с такой силой, что куски мозга разлетелись по облупленным стенам старенькой ванной. Вытерев лицо жене, он шёпотом спросил:

– Сколько?

– Двое, – всхлипнула Света, – Егор, мальчики...

Но Егор уже стоял под дверью в спальню. Бесшумно открыв дверь, он увидел, что дети живы. Старший в слезах целовал руку урке, младший уписался, и под ним на полу была огромная лужа. Не дав детям издать возглас радости, Егор свернул шею второму «гостю». Моментально схватил домашний телефон и произнёс:

– Брат, беда. Цыгана из зала захвати.

Под покровом ночи три мужские фигуры грузили в багажник копейки два мешка картошки.

Вернулись под утро, уставшие, с горящими глазами.

Этот страшный августовский вечер ни Егор, ни Володя, ни Цыган, ни семья никогда не вспоминали, как будто его и не было. Мама Егора спала под действием снотворного в маленькой комнатке, а проснувшись утром, попросила Свету и детей не печалиться, сказав, что она обязательно выздоровеет.

В сентябре, ровно через месяц, смотрящего Твери и Тверской области Анатолия Поднебесного закололи на его же рынке, где он собирал дань. Убийца в капюшоне покупал яблоки у торговца, а когда Поднебесный со свитой поравнялись с прилавком, киллер якобы нечаянно рассыпал яблоки, отвлекая быков и шестёрок, и вонзил заточку прямо под сердце. Мафиози умер мгновенно, но убийца уже этого не видел, легко перепрыгнув через прилавок, нырнул на склад и скрылся через чёрный ход. На выходе из склада нашли перчатки и чёрную длинную кофту-балахон с капюшоном.

В этот день Цыган проиграл Егору бой на татами, когда увидел, что в зал вошли люди, которых надо бояться.

Одного из них Егор знал. Бандит Коля Питерский был смотрящим крупного района в Москве, а познакомились они на соревнованиях и вместе тренировались для сдачи на чёрный пояс, первый дан.

Двух остальных он не знал, но догадывался, что заинтересовались им воры в законе.

– Давай знакомиться, мил человек. Говорят, ты Толю Грязного завалил... и двух его шестёрок у себя дома кончил?

– Кто говорит? – спокойно спросил Егор.

– Говорят наши уши и глаза, источник верный. Вот у тебя хотели спросить, ты ли бойца своего научил или сам пошёл свинью на базар резать? – Закашлялся, но сигарету изо рта не вынул. – Видишь, чахотка проклятая, уже откинулся давно, а она, сучья лапа, жрёт меня.

– Да ладно, Седой, ещё сто лет проживёшь, – хрипло заметил третий, самый страшный.

Невысокий пятидесятилетний мужчина, в красивом малиновом пиджаке, а в руках чёрный кожаный плащ. Но глаза. Эти глаза горели чёрным огнём ненависти и злобы, как будто ты глядишь в глаза самого дьявола.

И со стороны казалось, что между собой беседуют пятеро мужчин, мирно обсуждают погоду и свои болячки. Но только знающий человек понимал, что после беседы с этими тремя остаются пятна крови на стенах, гильзы на полу и тяжёлые чёрные мешки для мусора.

– Я только двоих убил, они жену мою и детей пытали, трупы в лесу закопал, всё делал сам, Поднебесного не трогал, знаю, что это он шестёрка подослал, дань с меня брать, но у меня нет денег. Дети за тренировки платят когда могут. У нас завод и фабрику закрыли, всех сократили, семьям есть нечего, платить за детей не могут. А копейку получу, за аренду отдаю. Это моя правда. А вы решайте, верить или нет.

– А знаешь, что твой Цыган его завалил?

– Не знаю, – честно ответил Егор.

Цыган, который стоял позади и всё слышал, вышел вперёд.

– Я свинью зарезал, Толика грязного. Эта сука в дом к Тренеру отморожков послал. А Тренер, он мне... как отец... больше... и мать моя там и братья... Если бы не быки, я бы эту суку давил руками, пока бы его мерзкий синий язык не вывалился.

Цыган произнёс эту речь, самую длинную за всю свою жизнь.

А Коля Питерский улыбнулся:

– Ну-ну, хорош тут сопли на кулак мотать, аки бабы расплылись, ещё слезу пусти, засра-нец. Гляди, какой киллер сентиментальный, ещё и цель благородную выбрал, мать твою. Прямо Брюс Ли против японцев.

– Японцы сильнее, – поддал жару Цыган.

– Поболтай мне, щенок. Ша, взрослые дяди говорят.

Коля закончил эту лёгкую перепалку с Цыганом и немного разрядил обстановку.

Третий заговорил, и все замолчали.

– Егор, будешь теперь Гоша Тверской. Погоняло твоё навек. Подо мной ходить будешь. Я Москву держу, ребята мои все районы контролируют, за общак я отвечаю. Толя Грязный мне давно не нравился. Жалоб на него много было. С отморожками связался, слишком много грязи после себя оставлял. Мента одного хорошего, честно завалил, теперь на нашу братву серьёзные люди ополчились. В общем, услугу твой Цыган нам сделал. Но ставили его тоже не последние люди, поэтому пацанёнок твой может в любой момент к покойничкам попасть. Береги его, если не попадётся, важным человеком станет, по понятиям.

Дальше детей тренируй. К тебе ребята мои в зал будут ходить, займись ими. Денег не беру с тебя, готовь мне бойцов. Они отдельно заниматься будут.

После этого страшного девяносто второго наступил этап становления и подъёма. Егор начал возить детей на соревнования, потом основал ещё пару школ в области. Когда же зал в подвале в Твери уже не смог принимать желающих, Егор переехал в Москву и открыл самую большую школу киокушин карате во всей России. Заниматься у Гоши Тверского было делом чести всех уважающих себя авторитетов и бойцов. Гоша поставил своего друга Владимира тренировать детские группы до 15 лет, а сам занимался со взрослыми. Школа пользовалась бешеной популярностью. Часть денег от соревнований, сборов и аттестаций он честно отдавал в общак, за это в его школах никогда не было проверок и органов власти. Все дети-подростки из семей милиции до депутатов Госдумы мечтали попасть в школу Егора Левина, но избалованных, наглых и наркоманов тренер сразу же отсекал. Некоторые обиженные родители приходили

разбираться с наглостью тренера и почему обдолбанного подростка водитель привёз с тренировки раньше времени, но Егор сразу показывал юридический документ, контракт, который подписали родители о том, что в секцию не допускаются в алкогольном и наркотическом опьянении. Тем более у него была такая «крыша», что и без документов бы обошлось. За то, что теперь его семья была в безопасности, он платил верой и правдой главным московским бандитам. Теперь, когда старший учился в элитном лицее, младший ходил с англоязычной няней в садик, маме сделали операцию и удалили опухоль (врачи пророчили ещё минимум десять-пятнадцать лет жизни), а жена, умница и красавица, открыла свой салон красоты на символической для них улице Тверской и мечтала о дочке. Семья не знала, что каждый день их отец и глава семейства мог не приехать домой живым. Он ездил на все крупные разборки, участвовал в перестрелках и менял машины, пострадавшие от пуль. Его семью охраняли бойцы, которых готовил сам Егор. Володя и Цыган всегда по очереди были рядом с семьёй и Гошей Тверским.

На сходках бывшие зеки-авторитеты сторонились его, потому что он не был сидевшим. Но общаясь, наблюдая за смелостью бойца, подготовкой молодняка, которой он занимался, считая бабки, которые приносил бойцовский бизнес по всей России, даже самые отпетые и отмороженные проникались к нему уважением. Гоша Тверской стал авторитетом без тюрьмы, пайки и заточки.

В девяносто четвёртом на него и его семью было совершено покушение, он вывез семью на юг России, купил дом у семьи Котенко, познакомился с Валиными родителями, Валеи и помог им переехать в Марьино, но связи семьи Левиных и Котенко не теряли. Пока семья Егора жила отшельниками, Валины родители частенько их проводывали летом, Егор распорядился построить гостевой домик для Валиной семьи, который по удобствам и отделке был круче их собственного. И сказал, что они могут приезжать в гости в любое время. Валя быстро подружилась с Вовкой и своим тёзкой Валентином, который был младше. Когда семья была в безопасности, Егор вернулся в Москву. Со своей армией ребят он разобрался с каждым, кто пытался убить его семью. Через несколько лет в его руках были здания в центре Москвы, рестораны, гостиницы и рынки. Отдав другу и брату Володе весь спортивный бизнес и управление школами, Егор и его верная тень Цыган начали отдаляться от криминального бизнеса. Егор начал легализовать объекты, оформлять «чистые» юридические фирмы, где учредителем был Иван Иванович Цыганков. Время отжима и беспредела заканчивалось, и Егор быстро сообразил, что сила бумаг, юридических документов важнее, чем сила автоматов и бомб. Свою армию верных ребят Егор отправил на обучение в лучшие экономические школы Европы. Он и Цыган облетели всю Америку и Азию, разумеется, со своей семьёй. Вернувшись после года путешествий, Гоша Тверской получил глоток свежего дыхания, увидев новый мир своими глазами, он понял, что будущее в развитии, росте, знаниях. Все заработанные деньги Егор вкладывал во франшизы предприятий. Иностранцы, увидев, что в России наступает эра развития, охотно вели с ним переговоры. Ребята, получившие обучение, возглавили строительные фирмы, рестораны, гостиницы и ключевые управленческие посты. Эра бойцов закончилась – началась эра мозгов. Егор брал кредиты под свои фирмы у иностранных банков, торговые центры росли как грибы. Каждый уважающий себя бренд пытался заранее выкупить место в строящемся торговом центре.

Егор купил особняк на Рублёвке, перевёз туда семью, но охрану по старой памяти не снял. Человек из девяностых никогда не доверится затишью нулевых.

– Да, Валечка, – Егор любил семью Котенко, в продажном и прогнившем мире зажавшихся миллионеров это единственная семья, которую он уважал и которая категорически отказывалась принимать его материальную помощь. – Чего в гости не приезжаете, Вовка за тобой соскучился, Валик тоже.

– Егор Иванович, нужна ваша помощь. Сестра моя в беду попала. Нехороший человек её обидел, а сейчас пытается на деньги кинуть.

- Валя, с тобой всё хорошо, ты цела?
- Я – да, всё хорошо.
- Сейчас Цыган подъедет, диктуй адрес.

Глава 10

Нина шла к метро, волоча ноги. Из яркой, жизнерадостной девочки ушла жизнь, как из воздушного шарика вышел весь воздух. За эту ночь ожидания Нина повзрослела минимум на десять лет. Теперь вам в глаза смотрела не юная, нежная, лёгкая девятиклассница, а умудрённая опытом, взрослая девушка, которую отравили, предали, бросили, а потом она чуть не потеряла мать по своей вине. Нина на всю жизнь запомнила этот урок, рыдая ночью в больнице над мамой. Говорят, что дети жестоки и эгоистичны, это правда. Чем старше они становятся, тем больше ценят и понимают, тем чаще обращают внимание, как стареют их родители, как ценно быть рядом, ощущать себя ребёнком, пока живы мать и отец. А родители... у родителей заканчивается жизнь, у них начинается подготовка к долгому и мучительному экзамену «хорошим родителем ли ты был для своего ребёнка». И они не жалея сил: водят на кружки, проверяют (долбают) уроками, помогают получить диплом, волнуются за работу, переживают за семейную жизнь, помогают с покупкой жилья, нянчат внуков и учат, как правильно воспитывать. И этот экзамен у родителей длится всю жизнь, потому что они перестают жить для себя и думать о себе. Есть исключения. Но мы с вами таких не знаем, верно? (Автор подленько хихикает в экран айфона, автор знает таких и от всей души жалеет этих несчастных, злых, одиноких людей.)

Мама Нины была уверена, что свой экзамен жизни она не сдала, что она неправильно воспитала дочь, если та была ещё жива. Высматривая ночью Нину в районе метро, парков, спального района, Татьяна Сергеевна мысленно рисовала расчленённый труп своей девочки у мусорки или в реке, или возле кустов. Сердце стучало, грудную клетку сдавливал каменный обруч, дышать становилось всё труднее, а мать всё бродила до рассвета и выла только одно: «Нина, Ниночка, девочка моя, Господи помилуй, за что? За что, Господи?»

Теперь экзамен сдавала Нина – она должна доказать своей сестре, своей больной матери и самой себе, что она сильная, она смелая, она умная и она искупит все ошибки ценой храбрости и мужества.

Цыган, правая рука Егора, был настолько профессионалом своего дела решать проблемы, что по задействованным силам перестарался с организацией операции.

В своём двадцатипятилетнем возрасте Цыган знал и умел гораздо больше, чем некоторые сорокалетние мужчины.

В те далёкие страшные девяностые Егор вытащил его из ямы и практически спас от смерти, и за это Цыган платил ему своей преданностью и своей жизнью. Никто не знал, сколько ему было на самом деле – пятнадцать, двадцать, двадцать пять. Врач и по совместительству друг Егора определил возраст внутренних органов на пятнадцать-шестнадцать лет, но никто не знал, сколько мальчик голодал и тормозил в развитии физически. Потом, показав Цыгана своему другу-психиатру, Егор был крайне удивлён результатами. Психиатр Самохин Александр Алексеевич наблюдал за всеми бойцами Егора, потом с его помощью открыл свою практику, но допуски на соревнования, выдачу поясов, аттестации и осмотр всех подопечных друга не доверял никому.

Осмотрев Цыгана и пообщавшись с ним, Александр попросил мальчика подождать, а Егора пригласил к себе в кабинет.

– Гош, где нашёл этого самородка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.